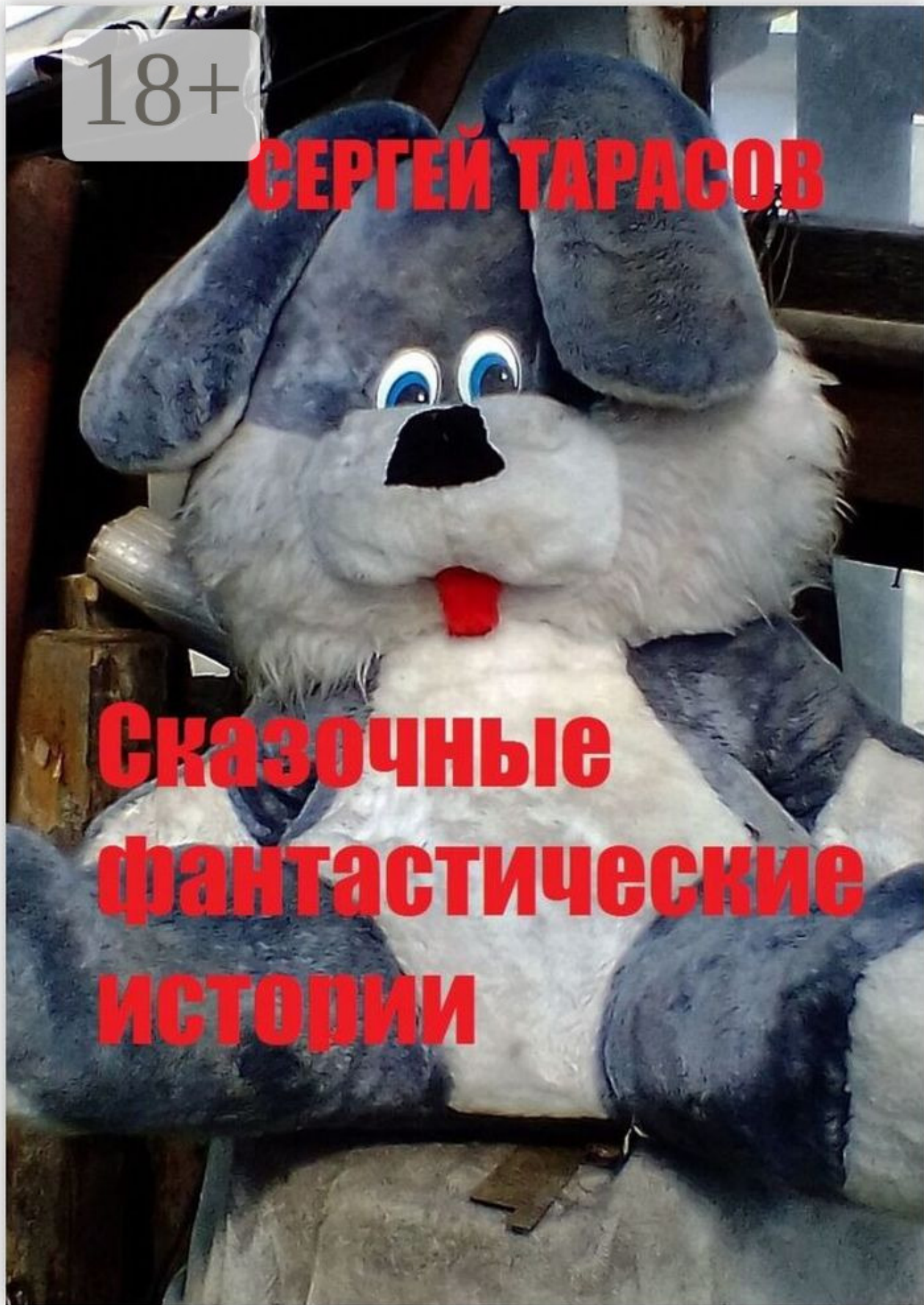

18+

СЕРГЕЙ ТАРАСОВ

**Сказочные
фантастические
истории**

Сергей Тарасов

**Сказочные
фантастические истории**

«Издательские решения»

Тарасов С. Е.

Сказочные фантастические истории / С. Е. Тарасов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-641038-1

В этой книге замечательные фантастические рассказы про невероятные случаи со мной и моими друзьями. Некоторые рассказы публиковались в сборниках «Развлекательные фантастические истории» и «Потрясающие фантастические истории».

ISBN 978-5-00-641038-1

© Тарасов С. Е.
© Издательские решения

Содержание

Космическая охота с собакой	6
Крестик на карте	9
Лук, стрелы и лягушка	11
Необычайной силы эликсир	14
Розовая жемчужина	16
Скращивание банановой пальмы с грушей	18
Удивительный фотоаппарат	20
Старая штольня	22
Кабачки с драгоценными семечками	25
Шлем	27
Спрятанные самоцветы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сказочные фантастические истории

Сергей Евгеньевич Тарасов

Сергей Тарасов *Фотограф*

Сергей Тарасов *Дизайнер обложки*

© Сергей Евгеньевич Тарасов, 2024

© Сергей Тарасов, фотографии, 2024

© Сергей Тарасов, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0064-1038-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Космическая охота с собакой

Хотя я и работал давно в геологии, но охотой никогда раньше не занимался – в детстве я ходил на рыбалку, и иногда ловил рыбу в командировках, но там было всегда очень много работы, и на рыбалку у меня не находилось времени. А когда я жил в родительском доме, то часто ходил с удочкой на пруд, – с отцом, или с братом. Ни мой отец, ни брат не были охотниками, – и я тоже им не стал. А рыбу, хоть иногда и ловил, практически не ел из-за ее мелких костей, – разве что иногда поем вяленого леща с пивом.

Родительский дом находился в ста метрах от леса, и я в нем часто бывал – ходил летом за грибами или за ягодами, а когда наступала зима, ходил на лыжные прогулки. В нем раньше были звери и птицы – лисы, зайцы, волки, лоси, белки, совы и бурундуки, – это те лесные обитатели, которые я сам видел. Лось как-то раз зашел прямо в наш поселок, на соседнюю улицу, – наверное, хотел узнать, как живет его дальняя родня – коровы и быки, но все животные были в лесу, в стаде, которое пас Влахин отец.

Напротив нашего дома жил охотник – дядя Коля. Он был водителем, а в свободное время ходил на охоту с двумя своими лайками, – Амуром и Найдой. Не знаю, на кого он охотился летом или осенью, но точно знаю, что зимой он ходил на медведя, и его лайки были приучены к медвежьей охоте. У него был сын, Сергей, почти мой ровесник, и как-то он взял у отца ружье и мы с ним прогулялись по нашему лесу. Но ничего в лесу не встретили, даже белок, и так и ни разу не выстрелили, – все лесные жители передали друг другу, что им грозит опасность, и все попрытались.

Другой мой приятель, геофизик, работал со мной в одной геофизической партии, а когда я перешел в другую экспедицию и меня назначили начальником отряда, я позвал его с собой. Все равно ему ничего не светило в геофизической партии, – самолеты с геофизической аппаратурой не летали, заказов на аэрогеофизическую съемку не было, и он с удовольствием согласился.

С собой на работу, которая предстояла на Северном Урале, он взял с собой ружье и свою лайку по имени Барс. Мы приехали в небольшую деревню под городом Ивделем целой колонной машин, – нам надо было отыскать месторождение цветных мраморизованных известняков для строительства метро в Екатеринбурге. Я был начальником отряда и геологом, а Дима устроился геологом описывать керн буровых скважин. Нас было много – бригада геофизиков, две буровых установки, горнорабочие, водители и геологи. Разместиться в палатках нам было неудобно – на берегу единственной реки не было полян, вокруг была глухая тайга, без дорог, с многочисленными болотами.

Но нам повезло – деревня находилась в нескольких километрах от нашего участка, и в ней мы сняли большой дом, в который поместились все тридцать человек. Первые дни работы были для меня самые напряженными, – всем надо было дать фронт работ и организовать работу. Потом, дня через три, все вошло в колею, и каждый мой подчиненный получил себе хорошо оплачиваемую работу по своей специальности: – буровики бурили скважины, геофизики делали съемку, горнорабочие копали шурфы и канавы, а геологи документировали горные выработки и документировали керн. Потянулись заполненные работой дни.

Недалеко от деревни было несколько небольших прудов, оставленные артелью, которая мыла золото. На них я часто видел уток, и как-то вечером мы с Димой отправились на охоту. Дима стрелял, а Барс плавал за добычей, и мы разнообразили наше меню утиным супом. Потом пошли грибы, и все перешли на грибную диету. Надо было еще попробовать поймать рыбу на реке, и мы с Димой и Барсом в один вечер пошли на рыбалку. Дима кроме спиннинга взял еще ружье, потому что в тайге было много медведей, а в реке водился таймень, которого было

не так и просто вытащить. Обычно, если попадалась большая рыба, то проще было ее подстрелить, прямо в воде, а потом уже вытаскивать.

Был обычный теплый летний вечер. Мы шли по тайге втроем и отмахивались от назойливых комаров и мошки. Озабоченный Барс бегал то спереди, то сзади, – искал белок и бурундуков, прибежал иногда к нам с высунутым языком, очень довольный жизнью. Прибыв на потенциальное рыбное место, Дима прицепил блесну к спиннингу и кинул ее подальше. Никто из речных обитателей на этот кусок металла не покусился, и, бросив несколько раз, Дима сменил блесну и продолжал закидывать блесну. Мы двигались по узкой тропинке вдоль реки и кидали блесну то на середину, то к берегу, там были заросли травы и наверняка в засаде стояли большие щуки.

Скоро идти вдоль реки стало не очень удобно, – начались скалы, состоящие из известняка, и тропинка продолжалась прямо под скалами: у самой реки. В известняковых скалах были карстовые промоины, трещины и небольшие пещеры. Одна пещера меня заинтересовала, и я сунул в нее свой нос. Вход в нее был у самой воды, и чтобы мне посмотреть, что там находится, мне пришлось встать на колени. Барс тотчас заинтересовался моим поведением, подбежал поближе, тоже засунул свой нос в пещеру, и у него сразу поднялась шерсть на загривке, и он зарычал. Подошел Дима, посмотрел на своего пса и сказал, что там кто-то, или что-то есть, иначе Барс не стал бы так волноваться из-за ерунды.

Я тут же высказал мнение, что там, вероятно находится пещерный медведь, и отсыпается перед ночной охотой. Барс принял мое личное мнение за чистую монету и сразу же отошел от входа в пещеру, а Дима предложил мне это проверить. Мне самому было интересно, – в этом краю не было известно больших пещер, и если бы я доказал обратное, то спелеологи бы ринулись изучать новую пещеру, которую бы назвали моим именем.

Лаз в пещеру был узким и тесным, но дальше можно было идти в полный рост, и я об этом сказал моим друзьям. Первый полез Барс, а за ним Дима, с ружьем. Мы объявили охоту на пещерных медведей открытой, и пошли по тоннелю. Темно не было, – свет в тоннель проникал через многочисленные карстовые промоины в потолке. Сталактитов и сталагмитов в пещере не было, и мы прошли несколько десятков метров, когда к нам подбежал разведчик, Барс. Он уже чувствовал себя как дома, и был очень доволен, что здесь, под землей, прохладно.

Впереди оказался грот, в котором стоял НЛО, но не летающая тарелка, а аппарат, похожий и на истребитель, который я видел в одном городе, и на маленький звездолет. Это была машина, способная постоять за себя, – несколько пушек, пулеметы и еще какие-то агрегаты, установленные на фюзеляже. В кабине никого не было, и мы с Димой, когда оправились после шока, вызванного присутствием космического корабля в скалах, начали ходить вокруг и изумляться увиденным. А потом, обойдя несколько раз вокруг корабля, решили посмотреть на кабину и узнать больше об этой нашей находке.

Первым полез в кабину Дима, а Барс остался в тоннеле и стал переживать за хозяина. Дима через несколько минут высунулся и сказал несколько фраз на русском языке, которые у него ассоциировались с крайним его изумлением и восторгом. Затем перевел свою краткую речь на нормальный язык и сказал, что этот аппарат называется «Охотник» и предназначен исключительно для охотников и рыболовов из будущего. А затем добавил, что тут масса приборов, и все надписи на русском языке, – скорее всего, он был изготовлен у нас, но экипажа нет, и трудно было сказать, что с ним случилось.

Я тоже захотел посмотреть на невероятный аппарат внутри, и сразу же взлетел по трапу в кабину пилота. В кабине, за толстым стеклом сидел Дима и разглядывал панель управления, а рядом с ним было еще свободное кресло, на которое я приземлился, озираясь по сторонам. Вокруг было великое множество приборов с кнопками, ручками и прочим электронным добром. Назначение тумблеров и выключателей мне было совершенно непонятно, хотя, действительно, все надписи под ними были на русском языке. Мы сидели в кабине космического аппа-

рата, изготовленного в будущем, разглядывали мониторы, кнопки, читали под ними надписи, а внизу бегал оживленный Барс и повизгивал от нетерпения, – он тоже хотел в кабину и полететь с нами на охоту.

Большинство надписей под кнопками и тумблерами мне было непонятно, но иногда встречались слова, понятные даже ежу, – такие, как огонь, пуск двигателей и силовое поле. Потом, словно его ударили неожиданно пыльным мешком по голове, Дима сказал, что он понял, как управлять этим аппаратом и добавил, что он сможет стартовать прямо отсюда, из пещеры, – у него было устройство, позволяющее двигаться через материальные предметы, – таких, как скалы, вода и горные породы. В доказательство он нажал большую оранжевую кнопку, и пульт оживился – на нем загорелись разноцветные лампочки, появились перед нашими глазами и ожили полупрозрачные, словно висящие в воздухе мониторы, и на одном из них, наверное, главным, появилось приветствие. Потом на нем высветилось главное меню, состоящее из нескольких десятков пунктов.

Чтобы понять, какой нам в руки попал совершенный и невероятный аппарат, нам понадобилось минут десять – это время мы прочитали главное и динамическое меню. Главное мы поняли и запомнили, – это был российский корабль, и он был создан для охотников и сделали его в далеком будущем. Он был полностью автономен, его двигатель мог работать неограниченное время и развивал скорость, превышающим во много раз скорость света. У него был искусственный разум, – мозг, так сказать, этого корабля и звали его Иваном. Пассажиры и пилоты с ним были как за каменной стеной – в критических ситуациях он мог брать на себя управление, спасти этим экипаж и охотников.

Когда мы дошли до этого пункта меню, то сначала опешили, а потом вслух позвали Ивана. Он откликнулся сразу, сначала поздоровался с нами, а потом пожелал узнать наши имена. Мы представились, и спросили, где охотники, которые должны были лететь на этом корабле. В ответ он рассказал, что несколько тысячелетий назад они вышли на охоту, но обратно не вернулись, и на связь не выходили. С тех пор корабль стоит и ждет.

«Ясно, – охота вещь такая, опасная для жизни – ты считаешь, что ты охотник, а на самом деле тебе предназначена роль жертвы, или добычи», – выразился Дима и добавил, что, наверное, они уже мертвы, несколько тысяч лет назад.

Потом повернулся ко мне и сказал, что если нам в руки попал корабль с таким именем, почему бы нам не поохотиться – где-нибудь за пределами Земли, а может, в другой галактике. Я спросил у Ивана, мозга корабля, – «куда нам можно отправиться на космическую охоту, чтобы остаться при этом в живых?»

В ответ Иван задействовал главный монитор, на котором высветились места, куда обычно летали охотники из его времени, и изображения дичи, на которую они охотились. Места нас с Димой интересовали мало – они были очень далеко и даже не в нашей галактике, а вот чем была представлена дичь, нам было очень интересно. Мы смотрели на изображения червяков, птиц и насекомых, зверей и других звездных созданий, среди которых были такие монстры, что ни пером описать, ни в кошмарах встретить. Потом вспомнили о Барсе, – он был среди нас настоящим охотником. Я спустился по трапу, подозвал лайку и с ней на руках ввалился в кабину. Дима спросил у Барса – «как ты смотришь, старина, если мы слетаем с тобой на этой машине, на космическую, очень интересную и захватывающую охоту?»

Барс гавкнул, потом сказал, – «поехали!»

Дима нажал на кнопку «пуск» и мы медленно растворились в космическом пространстве.

Крестик на карте

Работа у меня кончилась поздно, я понял, что добраться на трамвае в этот день домой мне не суждено, – везде были пробки, и мне пришлось отправиться на вокзал, чтобы добраться домой электричкой. Это было немного дольше по времени, но была гарантия, что ночевать я буду дома, а не где-то идти, поздним вечером, пешком. Электричкой мне надо проехать три остановки, потом выйти, подняться в гору и я был дома. Расписание мне сказало, что мне надо было подождать десять минут, и я пошел в киоск на второй этаж – за газетой и посмотреть книги.

Проходя по проходу между креслами, я заметил под одним креслом свернутую аккуратно гармошкой, топографическую карту. Мне в жизни много раз приходилось держать в руках топографические карты и пользоваться ими по долгу службы. Я подумал, что кто-то забыл ее, или потерял, и трудно будет этому человеку без нее в тайге. К тому же за карту, особенно секретную, ему намылят шею в спецотделе, и может, лишат его допуска к секретным документам. Я нагнулся и подобрал карту, тут же развернул ее и посмотрел номенклатуру и масштаб. Она была, по идее секретная, – масштаб был крупный – в одном сантиметре двести пятьдесят метров, но на ней не было ни штампа, ни отметки на обороте, как это делают в спецотделах.

Наверное, это была копия – кто-то скопировал ее с оригинала, и если так, то никаких хлопот у этого мужика не будет. Места на карте были для меня знакомыми – в них я работал однажды летом, проходил там геологическим маршрутом. В тех местах было множество мелких месторождений драгоценных камней, которые на сегодняшний день считались отработанными. Особенно много там было радиоактивных аномалий, и даже несколько рудопроявлений урана и редкоземельных элементов. Когда-то я все мечтал пройти по этим рудопроявлениям и отработанным старым копиям, с надеждой найти хороший изумруд, или берилл. Но время на это путешествие не находилось и я так и не съездил.

Мне всегда нравилось работать с картами, с геологическими или с топографическими, – на них было масса информации, которую можно было анализировать, и, в конце концов, выяснить, как и куда направиться, чтобы найти месторождение, или выйти к намеченному в маршруте объекту. На этой карте в самом северо-западном углу стоял маленький, нарисованный карандашом крестик. В этом месте был, судя по карте, был смешанный лес с меридиональной просекой. Что означал этот крестик, можно было только гадать – или грибное место, или место захоронения трупа, или, что было наиболее вероятно, какую-то заброшенную копь, или шахту. В геологическом отношении здесь был гранитный массив с многочисленными проявлениями редких и редкоземельных элементов. Интересное место.

Сунув карту в свою сумку, я поднялся и поспешил на свою электричку, на которую диктор объявила посадку. Через пятнадцать минут я уже выходил на своей станции, потом надо было пройти по мосту через железнодорожные пути, подняться в гору и я попаду домой. Дома я переоделся, разобрал свою сумку, а найденную карту положил в папку, в которой хранил свои карты, привязки проявлений полезных ископаемых, на которые хотел когда-то съездить.

Она пролежала в этой папке лет десять, пока я на нее наткнулся, когда искал какой-то документ. Работы у меня тогда не было, я стоял на бирже труда и изредка ходил на встречи со своими потенциальными работодателями. Была поздняя весна, я уже все посадил в огороде, и у меня было время, чтобы остановиться и хорошо поразмыслить, как жить дальше, словом, я получил на время отпуск. Глядя на карту, я вспомнил обстоятельство, как она мне досталась и крестик в ее углу. Время на то, чтобы съездить на место, указанное кем-то крестиком, как раз у меня было, и я решил проветриться, походить по лесу и посмотреть, что отметил крестиком бывший владелец карты.

Рюкзак, с которым я ходил в геологические маршруты, висел на своем месте в чулане. Там уже все было готовое к поездке – котелок, топор, геологический молоток, саперная лопатка, ложка и моток веревки. Осталось только купить продуктов, и можно было ехать.

Я вышел на маленькой станции, достал компас и полевую сумку и двинулся по лесной дорожке. Погода была как раз для прогулки – тепло, но не жарко. Дождей не было давно, и я шел в кроссовках, обиваясь от комаров веткой. Репеллент у меня был, но мазаться им я не спешил. До места, которое было на карте отмечено крестиком, было километра три, и скоро я уже прошел к просеке, рядом с которой он был нарисован. Вокруг были старые, засыпанные шурфы и геологоразведочные канавы.

Хоть крестик был маленький, узнать, что там находится я только мог предполагать – и я поступил просто: начал ходить короткими профилями через десять метров. Через полчаса я нашел свежую зарубку на сосне и понял, что пришел: рядом с сосной был аккуратно засыпанный шурф. Можно его не заметить и пройти рядом. Но так просто его бы не отметили на топографической карте, значит, хотели вернуться к нему снова.

Достав из рюкзака саперную лопатку, я аккуратно снял почвенно-растительный слой и обнаружил под ним щит, сколоченный из нетолстых бревен. Я сдвинул его в сторону и посмотрел на устье шурфа, в котором была лестница. Надо было спуститься и посмотреть, что там, на дне. Но сначала надо было попить чаю. Развел небольшой костер, вылил из фляжки воду в котелок, и когда вода закипела, бросил туда заварки. Чай пах дымом и был очень вкусным, – я пил его мелкими глотками и смотрел на шурф, в который надо было спуститься.

Хоть у меня и был фонарь на батарейках, я надрал бересты и сделал факел, с которым и полез по лестнице. Шурф был не очень глубокий – метров пять, и на дне его была рассечка, в которой стояло несколько полных ведер. Они были доверху наполнены кристаллами и породой – сланцами, из которых тоже торчали кристаллы. Я присел перед ними и стал перебирать кристаллы и породу. В двух ведрах были изумруды и александриты, уже очищенные от слюдитых сланцев, а в третьем слюдиты, в которых были кристаллы изумрудов. Все было понятно – здесь поработали любители камня – им посчастливилось найти залежь с драгоценными камнями.

Оставил в покое ведра, я зажег факел и прошел по рассечке к забою. Там лежала лопата и кайло, которыми долбили сланцы, отбивая куски породы. На стенке передо мной в сланцах было видно, что изумрудов здесь было много – они торчали из сланцев и мерцали своими зелеными гранями. Продолжать добычу я не хотел, пошел к выходу. У ведер я остановился, выбрал десятка два кристалла побольше, сунул их в карман штормовки и вылез из шурфа.

Месторождение, которое нашли, и начали разрабатывать черные геологи, было очень богатым. Содержание драгоценных кристаллов в породе было таким запредельно высоким, что я пожегся – здесь в два счета можно было стать миллионером, но еще быстрее можно было сесть в тюрьму. Изумруд был драгоценным камнем первой группы, и от него надо было держаться подальше.

На поверхности я достал топографическую карту, положил ее в полиэтиленовый пакет и снова спустился в шурф, где и положил ее на ведро с изумрудами, придавив сверху большим александритом, а потом вылез из шурфа, сдвинул на место щит и сгреб на него почвенно-растительный слой. Потом допил чай, закидал костер землей, собрал рюкзак и пошел на станцию.

Свою цель я выполнил на двести процентов, – узнал, что означал крестик на карте и в награду за свои труды взял несколько кристаллов на память.

Лук, стрелы и лягушка

Лес был очень сухой, – даже от случайной маленькой искорки мог возникнуть большой пожар. Поэтому мы с другом оставили лесные прогулки и занялись маленькими, живописными прудами, которые остались от старателей, которые очень давно здесь мыли золото. Видимо, плотик, на котором обычно скапливается золотой песок, находился глубоко, и им пришлось выкопать котлованы, которые потом заполнились подземными водами.

Этих водоемов было в окрестностях очень много. В них водились караси и часто прилетали утки. Сидеть судочками на берегу, ожидая поклевки какого-то голодного карася нам быстро надоело, и мы обратились к охоте. Ни я, ни мой приятель не были охотниками, и ружей у нас не было. Но существовали другие способы подстрелить утку, например, лук.

Рогатки, конечно, я в детстве делал, и не одну, стрелять из них умел, но вот лук не делал ни разу. Но, по-моему, это была простая задача – взять ветку потолще и натянуть на леску, – вот и вся премудрость. Стрелы можно было тоже сделать тоже из веток, только следовало выбрать из них прямые. Какие наконечники к стрелам можно сделать, это я не знал, но решил поступить просто: примотать к стреле гвоздь и все, оружие готово.

Изготовление лука заняло полчаса, стрел мы с приятелем сделали по пять на брата и тут же отправились на охоту, на ближайший пруд. Он был узкий и длинный, а в конце его плавала небольшая стая уток. Мы по тропинке подошли к ним поближе и изготовились к стрельбе, – достали из колчана стрелы и положили их на тетиву. Наша добыча плавала в десяти метрах от нас, и мы пустили по стреле. Оба промахнулись, к нашему огорчению. Потом мы подобрались к уткам поближе – для этого пришлось обогнуть пруд. До стаи уток было метров пять, и мы опять пустили по стреле. Опять промах!

Мой приятель плюнул на охоту и пошел играть в бильярд. А у меня осталось еще три стрелы, и я надеялся, что одна из них найдет жертву. Чтобы наверняка подстрелить утку, мне надо было подобраться к ней поближе, или сделать на нее засаду в камышах. Я нашел укромное место около самой воды и затаился, сжимая в руке лук со стрелой.

Между тем, после июльской жары, небо нахмурилось, закрылось тучами, и до меня донесся приглушенный рокот, это приближалась гроза. Я ждал. Утки плавали, но до них было еще далеко. Я мечтал, что хоть одну я притащу на кухню и рассчитывал, что гроза пройдет мимо, или я успею до ливня успеть подстрелить одну из стаи, которая между тем постепенно подплывала все ближе и ближе. Но неожиданно для меня в небе прямо надо мной раздался грохот, и в воду вонзилась ярко- синяя молния, напугав меня до полусмерти.

После удара молнии установилась тишина. Гроза куда-то неожиданно делась, а на темно-синем небосклоне засиял месяц. Я не поверил своим глазам – только что был вечер с надвигающейся грозой и вдруг тишина, и в небе светил месяц. Что-то все быстро поменялось, словно прошло несколько часов. Надо было двигать домой, поужинать и почитать перед сном какую-либо книжку. Я встал из своего укрытия в камышах, вышел на тропинку и прошел по ней несколько десятков метров. Тропинка вышла на небольшую проселочную дорогу, которой, по-моему, здесь не должно быть. По ней ехал на лошади всадник, вооруженный луком и копьем. Увидев меня, он остановился и сказал мне, чтобы я остановился.

Я встал, как вкопанный и смотрел, как он слез с коня, поправил меч, висящий у него на боку. Бежать мне было уже поздно и некуда – по обе стороны от дороги был лес, по которому мне от лошади не убежать. Воин подошел ко мне вплотную и спросил, кто я и куда иду. У него была странная дикция и говор, но я его отлично понял. Я представился, сказал, что я рабочий и иду на свою базу. Но было видно, что он не поверил ни одному моему слову. Потом, увидев у меня лук и стрелы в полевой сумке, наклонил голову и стал смеяться над моим оружием.

Смех тоже мог быть оружием и его смех мне совсем не понравился. Но просмеявшись, он взял мой лук, и, согнув его одною рукою, сказал, что более странного лука ему видеть не приходилось. В доказательство он снял с себя лук и показал его мне – вот такой, с его точки зрения должен быть лук, а стрелы мои вызвал у него истерический приступ смеха. Мне надоело это представление, и я сказал, что хватит. Дальше наше общение продолжалось более мирно и спокойно.

Наступала темнота и этот витязь предложил побеседовать на сытый желудок. У меня не было никакой еды, но он сказал, что у него есть и этого хватило на двоих. Он повел коня в поводу и через несколько минут мы дошли до пруда, где он стреножил коня, а я тем временем собрал валежник и зажег его зажигалкой. Пламя осветило его удивленное лицо, и сразу последовал вопрос – как я это сделал. Пришлось показать ему, как я развел костер с помощью зажигалки, а потом я достал пачку сигарет и закурил. Это его удивило еще больше и мне пришлось объяснить, что я простой странник, иду из далекой страны, где есть такие вещи как зажигалка и сигареты, а потом попросил посмотреть на его лук и стрелы.

Это было мощное оружие. Я потрогал тугую тетиву и попробовал натянуть лук – это было трудно, но я постарался. Стрелы были под стать луку – прямые, оперенные и с железным наконечником. Таким луком не только можно было убить утку, но и более крупную дичь, например волка или косулю. Он дал мне какое-то жареное мясо и питье во фляге, которое по вкусу оказалось не то квас, не то медовуха. Мы сидели за костром, и я расспрашивал его о житие-бытие, и есть ли тут разбойники, дикие звери и чем он вообще занимается, кроме охоты и скитания по лесам, а потом мы улеглись около костра и я проснулся уже утром.

Вставало солнце, и на пруду, покрытом кувшинками и лилиями, было масса диких уток, и квакали многочисленные лягушки. Мой новый знакомый тоже проснулся, и я показал ему на водоплавающую дичь. Он пренебрежительно на нее посмотрел и сказал, что таких уток ему надо несколько штук на обед, и он не намерен тратить на них стрелы. Потом спросил, что я собираюсь делать, так как он собрался ехать дальше. Мне не нравилось это предложение – я не собирался уходить от пруда, так как думал, что судьба смилуетя и забросит меня обратно, в мое время, и у меня было еще двое стрелы, и я покрался к одной утке совсем близко, буквально на метра два и первой же стрелой подбил ее. Она была около самого берега, и я достал ее какой-то палкой. Показал добычу знакомому, на что он только хмыкнул, сел на коня и, махнув на прощанье рукой, уехал.

У меня осталась еще стрела, и я думал, что с ней делать. Посмотрел по сторонам и заметил недалеко от меня на кочке здоровенную лягушку, а может жабу, – высотой почти сантиметров тридцать. Она сидела на кочке и рассматривала уток, меня и делала глотательные движения. Я подумал, что это подходящая дичь для последней стрелы, поднял лук и с первой попытки попал. Она свалилась с кочки, подрыгала своими лапами и превратилась в какое-то неведомое мне существо, не то большую крысу, не то в выдру, а может, в бобра. А может мне это показалось – я не стал подходить к мертвой лягушке-жабе, а наоборот, отошел от нее подальше.

Между тем утренняя жара сменилась духотой, и вдали пророкотал гром. Я посмотрел на небо с грозным облаком и стал глазами обшаривать кусты, лес, чтобы определить, куда мне спрятаться от надвигающей грозы. Нашел неподалеку большую елку, и только отправился к ней, как вдруг потемнело, в пруд ударила молния, и начался ливень. За несколько секунд я вымок до нитки, и до елки я добрался уже мокрый. Ливень продолжался минуты две, а потом также неожиданно перестал. Выглянуло солнце и от кустов, травы и от пруда повалил пар.

Я тоже вылез из-под елки и пошел под солнце высыхать. Через несколько минут на противоположном берегу пруда показался мой приятель с нашим геологом – они шли по тропинке и вертели головами, наверное, искали меня. Пришлось подойти к самому берегу и громко объ-

явить – «привет!». Они остановились, увидели меня, с луком и убитой уткой и помахали мне рукой.

Молния вернула меня в свой мир, в мое время. Мы вернулись на нашу базу, ощипали утку и приготовили из нее очень вкусную похлебку. За обедом я рассказал, где я был, и что со мной приключилось, но они мне не поверили, – ни одному моему слову. И я сам начал сомневаться, что провел ночь с мужиком, который ехал по лесной дороге на коне, с боевым луком и мечом, а потом убил какую-то нечисть, которая притворилась большой не то лягушкой, не то жабой. Но потом посмотрел на утиную лапу в своей тарелке и замолчал.

Необычайной силы эликсир

Борьба с сорняками в моем огороде достигла апогея. После суточного проливного дождя и жары, наступившей после этого всемирного потопа, все сорняки оживились. Те, которые вылезли из почвы после оттепели весной, росли прямо на глазах, а сорняки, которые проспали весну, старались наверстать упущенное, и лезли на солнце и тепло изо всех сил, стараясь догнать и перегнать в росте предусмотрительных своих ранних собратьев.

Особенно им нравилось расти на картофельном поле и в клубнике. Некоторые, которым не хватило места под солнцем, лезли сквозь бетон, которым я заделал в том году все трещины и пустоты в фундаменте дома.

С сорняками, которые мешали мне окучивать картошку, я поступил милостиво – казнил их с помощью гильотины: моей острой тяпкой. Большинство я сразу же и похоронил, на месте прошедшего боя. Картошка на следующее утро заметно выросла, а недобитые сорняки стыдливо прятались в ее тени. Но я окучил только один раз, а через неделю собрался повторить операцию, и надеяться на мое снисхождение было с их стороны просто глупо.

Особенно меня донимал выюнок, который запутывал ветки смородины, вишни и гороха и мешал мне в сборе ягод. С ним у меня с того лета были особенные счеты и я год назад поклялся отомстить ему за все неудобства, которые он мне доставил. А пока он рос, набирался сил, но даже не догадывался, как я на него зол.

В зарослях клубники обитал другой тип сорняков – с широкими и большими листьями, под которыми прятались от меня ягоды клубники. У этого типа была такая разветвлённая корневая система, что рвешь сорняк на одном краю грядки, а от боли кричит сорняк на другом. Специально я с ними весной не связывался, потому, что когда собирал ягоды, рвал в лукошко клубнику, а в ведро складывал обнаруженные и уничтоженные мною сорняки. После первого сбора урожая клубники ни одного, даже маленького сорняка этого вида не оставалось, и я все оставшееся лето радовался чистотой грядок.

Когда я прошлым летом взялся за скрещивание разных культур, то сначала хотел скрестить сорняки с каким-то полезным растением, с вишней, например, или с жимолостью, но вовремя одумался, так как это было чревато большими, непредсказуемыми последствиями для меня самого и мирных зеленых обитателей моего огорода. Но я каждый год поражался выживаемости сорняков, и мне, наконец, пришла в голову отличная идея.

Раз они обладают такими способностями к выживанию и способны даже тягаться со мной в отчаянных битвах за место под солнцем, то мне предстояло сделать необычайной силы эликсир, который позволит мне выживать в борьбе с самыми опасными болезнями. В итоге я стану, как минимум, самым долгоживущим индивидуумом, а в перспективе – вечным, как, допустим, насекомые, которые обладают самым удивительным иммунитетом среди живых земных организмов. Кроме того, с успехом проведя такую работу, мне будет благодарно все человечество, особенно больные и инвалиды

Для своих исследований я взял наиболее живучих сорняков в моем огороде – это выюнок, лебеда и несколько других растений, у которых я даже не знал имени. В один теплый весенний день я набрал дюжину ведер сорняков и заперся в своей мастерской, среди мензурок, колб и пробирок. Работал я днем и ночью целые сутки и выделил фермент, который тут же разлил в стеклянные бутылки с плотно притертыми пробками. Эликсир из этого фермента обладал такими свойствами, что был способен даже оживить сухую ветку яблони, и я опасался, что капля, нечаянно пролитая на мой стол, может вызвать появление в мастерской появления большой сосны.

Чтобы провести тестирование это эликсира, мне был нужен волонтер. Сгодились бы и мыши, но у меня их не было. Но воробьев в огороде было масса – они разжирели за прошед-

шую зиму, когда я их совершенно бесплатно кормил всякими вкусными крупами и хлебом. Сетей, которые связал мой отец, любитель рыбной ловли, было в хозяйстве много. Ими, кстати, ловят на Полярном Урале куропаток, ставя вокруг зарослей карликовой березки, а поймать ими несколько воробьев мне не составило труда. Им надо было отдать мне должок – за бесплатное зимнее питание. Они должны были понимать, что бесплатного ничего в этом жестоком мире не бывает, и за все надо платить.

Я растворил одну каплю эликсира в ведре воды и напоил пару пойманных воробьев. Дал им хлебных крошек, чтобы закусил и начал наблюдение. Прошел час, второй, никаких изменений в организме у них не было заметно. Они чирикали между собой, и представить себе не могли, к каким жестоким испытаниям я их готовлю.

Начал с отравленного цианидом хлеба. Они поклевали немного, и остались живы. Затем я заставил их проглотить все лекарства, которые нашел в холодильнике. Опять живы. Воробьи пили зеленку, водку, спали всю ночь в морозильной камере холодильника, час провели в бочке с водой, горели в пламени газовой горелки и в конце у самого большого воробья я отрубил крылья и лапы. После этого я запер добровольцев в разные клетки и оставил до утра.

Ночь прошла спокойно. Из клеток доносился храп не убиваемых воробьев и у того, которого я накануне лишил рук и ног, выросли новые крылья и лапки. Он скакал по клетке и ругался на своем воробьином языке – так он меня проклинал и требовал, чтобы я его покормил. Пришлось ему насыпать крупы и оставить на время – отдохнуть, пока я займусь его другом. Этот второй воробей был готов отдать свою жизнь ради блага моего и всего человечества – я ему отрубил голову, по самые плечи. Голову его я положил рядом с окровавленным телом и накрыл клетку черным платком.

Сейчас надо было мне умыться, позавтракать, побриться и покурить. Когда с этими неотложными делами было покончено, я зашел в пыточную камеру, – посмотреть на пернатых волонтеров. Воробей, который вчера был без рук и ног мирно спал в своей клетке, а тот, которого я оставил без головы час назад, сумел вырастить себе новую голову и сейчас играл своей бывшей головой в футбол. Ничто не смогло погубить этих воробьев – ни яды, ни водка, ни смертная казнь.

Я задумался на мгновение и принял единственно правильное в этой ситуации решение – включил бетономешалку, высыпал в нее цемент, отсеб, добавил воду и насыпал всяких ржавых гвоздей, в качестве арматуры. Когда раствор был готов, я поставил клетки с воробьями в старое ведро и налил туда раствор. Через миг все было кончено – воробьи были замурованы в бетонном саркофаге. Но они были живы, – убить их было невозможно. Этот саркофаг я закопал в углу огорода и поставил памятник.

После панихиды и поминок я поставил передо мной на стол пузырек с эликсиром и стал думать, как мне быть...

Розовая жемчужина

Хорошо, наверное, было быть флибустьером или пиратом, – они, когда грабили испанские галеоны и прочие суда с драгоценностями, расплачивались в своих притонах на берегу жемчугом или золотыми монетами. А у нас, на Визовском пруду, никогда в жизни нельзя было найти жемчуг, даже если этому занятию посвятить всю свою жизнь. Климат у нас был совсем другой, и нечего было даже надеяться на то, чтобы найти жемчужину.

Я отложил в сторону книгу про пиратов, которую читал за обедом, и потянулся. На улице была жара, градусов за тридцать, и выходить из прохладного дома на такую жару мне не хотелось. Но мне сразу вспомнилось, как я несколько месяцев мерз зимой и мечтал о лете, – как буду рад погреться на солнышке, где-нибудь на пруду, лежа на горячих гранитных валунах и разглядывать молодых девушек. Я тут же стал ругать себя за то, что, вот настало, наконец, лето, а я сижу с книгой в доме и не спешу на пруд, в лес, или даже в огород. Так и лето пройдет, подумал, и стал собираться на пруд, где можно было искупаться, позагорать и наловить раков.

Ближайший пляж был около лодочной станции, где когда-то стояла наша лодка. Сейчас она стоит дома, ждет, когда ее возьмут на рыбалку, или просто поплавать. А что? Я был довольно свободным человеком, и по идее у меня не было никаких хлопот, разве что огород и сочинительство рассказов, и иногда я придумывал ремонт или ходил по грибы и по ягоды. Мне надо было подумать сначала, прежде чем увозить лодку на пруд, ставить ее в родную гавань и приковывать к пирсу.

Я шел на пруд и обдумывал свою новую авантюру – увезти лодку на пруд, потом через ближайший портал отправиться на ней в Карибское море, поставить мачту с парусом и заняться пиратством, как все нормальные люди. Можно также уплыть на ней на Большой коралловый риф и заняться добычей жемчуга – нырять с гирей на ногах на самое дно, и там собирать в сетку раковины с жемчужинами разного цвета. Мне почему-то нравился розовый жемчуг, а не белый и черный.

Мысли все были авантюрного плана, но мысль о розовой жемчужине засела у меня в голове, и я не мог от нее отвязаться.

На пляже было многолюдно – все наплевали на Анталию и подались на родные пресноводные российские водоемы. Тут было проще – рядом дом, до которого можно было доехать на машине, все говорят на русском языке и не надо особенно тратиться на самолеты, гостиницы и можно было без хлопот отдохнуть даже после работы, в выходные дни. Я высмотрел большой гранитный валун, омываемый со всех сторон волнами, и побрел к нему по песочку.

Искупался, поплавал, позагорал немного и решил пройтись по кромке пляжа до тропинки. Когда шел, заметил много раковин, в которых когда-то жили моллюски – они были большие, до десяти сантиметров длиной. В принципе, что мешало нашим родным моллюскам заняться производством жемчуга? Поднял одну раковину, вторую, третью – все они были пустыми – но внутри у некоторых был настоящий перламутр. До создания жемчужины у них был всего один маленький шаг. Мои шансы найти розовую жемчужину были уже и такими наивными, нужно только запастись терпением и открывать не пустые раковины, а с живыми моллюсками.

С этими правильными мыслями я зашел в теплую воду пруда и пошел по колено в воде вдоль берега. На чистом желтом песке тут тут, то там виднелись раковины. Я их доставал из воды, раскрывал, но мне пока не везло. Фортуна вообще дама капризная, это я понял давным-давно, когда охотился за кристаллами. Надо просто не обращать внимания на нее, притвориться слепым, глухим и просто делать свою работу. При этом ни на секунду не забывать, что фортуна смотрит на тебя, и иногда, любопытства ради, подкинет какой-нибудь подарок, – посмотрит, достоин ли ты ее внимания. Надо всегда быть начеку.

Отбросив всякие мысли, я шел по колено в воде, раскрывал по дороге найденные в воде раковины, и почти уже дошел до тропинки, по которой мне надо было возвращаться домой, когда под ногой что-то хрустнуло, и я понял, что наступил на раковину. Осторожно пошарил под ногами и вытащил большую, сантиметров пятнадцать в длину раковину. Открыл ее ножом, поднял моллюска и о, черт! – под ним была жемчужина, – точно такая, о какой я и мечтал – большая, слегка удлинённая и нежно-розового цвета. Осторожно достал ее, положил на ладонь и не мог оторвать от нее глаз. Она как будто светилась изнутри – розовым, мерцающим теплым светом.

До дому я дошел незаметно – жемчужина грела мою ладонь в кармане, куда я ее положил. Зайдя в дом, положил ее в шкатулку из черного, с белыми прожилками мрамора на темно-синий бархат и поставил на туалетный столик. Ночью я спал плохо – то и дело вставал, подходил к шкатулке и любовался розовым светом, исходящим из шкатулки.

Утром я взял шкатулку и отправился в магазин, где продавали драгоценности – мне надо было узнать, как хранить жемчуг в домашних условиях. Оценщица, как только увидела жемчужину, сразу предложила мне огромную сумму, но я не спешил расстаться со своей розовой жемчужиной – мне было хорошо с ней, и я понял, наконец, почему такой дорогой жемчуг.

Я пообещал ей, что если найду еще жемчужину, то непременно зайду к ней и на этом мы попрощались. Она мне рассказала, как хранить такие драгоценности и сказала, что будет меня ждать.

Скрещивание банановой пальмы с грушей

Устав от тайги, я решил отдохнуть от леса, гор и степей и посвятить свои отпуска изучением городов. Когда произошла монетизация для инвалидов, мне можно было принять весь пакет стоимостью восемьсот рублей, или отказаться от части услуг. От бесплатных лекарств я отказался, от бесплатного проезда в санаторий – раз в году, тоже, оставив себе бесплатный проезд на пригородных поездах и общественном транспорте. Это оказалось удобным – для путешествий и поездок по городу.

Сначала я для пробы бесплатно съездил в Челябинск, походил там по знакомым местам, заглянул в краеведческий музей, который забыл посетить, когда работал в геологических фондах челябинской геологоразведочной экспедиции больше месяца, погулял по Алому Полю и поехал обратно домой. Следующая поездка была в Казань, потом Тобольск, и с каждой поездкой я забирался все дальше и дальше от дома. Однажды я проезжал через город Мичуринск, – там у меня была пересадка, и, посидев в зале ожидания в вокзале, вышел на улицу покурить.

Недалеко от входа был памятник – лежала огромная вишня, больше метра в диаметре, из бетона, покрашенного под латунь. Я сразу вспомнил Мичурина, который занимался опытами с разными плодово-ягодными садовыми культурами, скрещивал сорта яблонь, груш, ну, в общем, выводил всякие новые сорта плодовых деревьев, сельскохозяйственных культур, короче занимался селекцией. В процессе работы он разработал метод отдаленной гибридизации и преодоления нескрещиваемости. По-простому это означало, что скрестить, допустим, ель с банановой пальмой, было, по его мнению, возможно, только ему это так и не удалось.

Я помню, что его ругали за такие просто фантастические скрещивания, но он не унился, а продолжал работать над проблемой нескрещиваемости до самой смерти. А вообще он был крупный, известный ученый и вывел много сортов плодово-ягодных культур. Я, допустим, в своем огороде все сам посадил, но никак не мог привить черенок домашней яблони на лесную яблоню. Меня это злило, но я продолжал прививать, и вот один черенок привился. Но не на лесную яблоню, а яблоню неизвестного мне сорта. Так что мне хотелось продолжить все прививать и скрещивать, потому что мне это было интересно, и я любил смотреть, как растет все, что посадил.

Утро у меня всегда летом начиналось с обхода грядок, кустарников, яблонь и груш. Маленьких сорняков я не трогал, они были еще слабы, – я ждал, когда они подрастут, и тогда их удалял с грядок в специально отведенное для этого место – компостную яму. Особенно меня интересовало здоровье маленьких растений, которые проклюнулись на подоконнике и я выгнал их на улицу. Всходы кабачков и огурцов находились под моим родительским контролем, и я следил, как они растут, не ест ли их тля, муравьи или другие вредители. Когда все чувствовало себя хорошо, мне можно было спокойно заняться своими делами – допустим, заняться ремонтом, уборкой или прогуляться на пляж или в лес за грибами или за ягодами.

Но грибы с ягодами я обычно начинал собирать в конце июня, а ремонт мне в прошлом году так надоел, что заставить им заниматься в этом году я еще был не в силах. Тем более, когда начнешь ремонт, потом оказывается, что покраска потолка заняла один час, а наведение порядка после этого занятия заняла остатки дня, и следующий день. Ремонт подождет, решил я, и занялся изучением скрещиванием плодово-ягодных культур на практике.

В том, прошедшем году, клубника у меня была какая-то мелкая, ягоды смородины тоже мелковаты, а огурцы, наоборот стремились вырасти до огромных размеров, особенно те, которым удалось от меня спрятаться, когда я решал сделать салат. Сорняки тоже стремились вырасти повыше, и стремились вырасти на любом свободном участке земли, а некоторые вообще пробивались через бетон. Кроме того, они полюбили картофельное поле и стремились вытеснить картошку.

У меня был огромный фронт работы: следовало скрестить все и вся на моем огороде, чтобы все полезное и вкусное росло также быстро, как сорняки, а ягоды были как можно больше – к примеру, ягоды клубники в результате моих трудов смогли бы вырасти до размера футбольного мяча.

А потом надо было перейти к остальным участникам: смородине, картошке и купить еще семян каких-нибудь вкусных фруктов, например ананасов, бананов или трюфелей, мандаринов и апельсинов.

В первый год я добился хороших результатов. Хотя ягоды у клубники стали больше, но до размера футбольного мяча было им еще далеко, – они были всего размером с апельсин, а это было мне мало, и я решил, что надо с ними еще поработать. Я решил скрестить их с черникой, но в том году это не получилось и я продолжу заниматься клубникой и черникой в это лето. Зато трюфели я скрестил с картошкой, и у меня получились очень вкусные плоды, напоминающие по вкусу мясо.

Грушу мне удалось скрестить с кабачками, и теперь они висели, как бананы с каждой ветки. Мне пришлось подставить множество подпорок под ветки, иначе такие плоды могли поломать всю грушу. Ягоды смородины тоже стали размером с мандарин, но их стало меньше количеством, – кусты не были в состоянии выдерживать такие ягоды.

В результате моих опытов с жимолостью ягоды у ней тоже стали побольше, – по размеру они походили на среднего размера кабачок. Но я боялся, что ветки не выдержат этой тяжести и обломятся, поэтому пришлось привязывать ягоды жимолости к яблоне, под кроной они росли. Зато как я наелся этих ягод! Думал, что от избытка витаминов мне станет плохо, но дело ограничилось поносом, и на этом все благополучно закончилось.

Большой вишневый куст, который посадили мои родители, я трогать не стал, а сосредоточил все усилия на вишневой аллее, которую сам сделал – соседская вишня зашла ко мне в гости своими побегами и я этим воспользоваться – аккуратно их выкопал и пересадил в другое место. Это место было около забора с огородом моей двоюродной сестры Люды, и там я насадил всего, чтобы у сорняков не было и мысли там расти: сначала, у самого забора, росла клубника с огромными синими ягодами и малиновые кабачки, которые я скрестил с арбузами.

Потом, ближе к середине моего опытного огорода, росли вишни, а за ними грушево – яблоневая аллея. С грушами я яблонями я еще плотно не занимался, но ради интереса привил на грушу банановую пальму, а на яблоню виноград. Посмотрим, в конце лета, что там вырастет...

В общем, результаты у меня были обнадеживающие, но впереди еще было много работы – надо было на будущий год заняться другими грушами и яблонями, и еще у меня возникла идея – вывести такой сорт дерева, на котором можно было выращивать одновременно ягоды, овощи и фрукты. Я думаю, что Мичурин гордился бы мной.

Удивительный фотоаппарат

Заниматься фотографией я начал в шестом, или седьмом классе, когда двоюродная сестра Людмила подарила мне фотоаппарат Смена7, и с этого момента я щелкал им часто. Родители купили мне увеличитель, и я стал делать фотографии всех друзей, знакомых, брал фотоаппарат в походы, а после первой полочки, которую получил в геологоразведочной партии сразу после школы, купил на выставке-продаже Зоркий-4К. Он стал мне другом, и мы с ним где только не побывали.

О том, что это была знаменитая фотокамера Лейка, я узнал позже, когда мне на глаза попала статья, где говорилось о том, что оборудование многих немецких фабрик и заводов было вывезено в Советский Союз после победы в Великой Отечественной войне. А до этого я снимал Сменой 8М, который был отличной камерой и снимал всегда хорошо. В армии у меня был этот фотоаппарат, и я был в роте уважаемым человеком – у всех дембелей нашего призыва – тридцать человек, были в альбомах мои фотографии.

У всех пленочных фотоаппаратов был один недостаток – возня с пленкой, это первое, а во-вторых, ее никогда не хватало, и когда я был на полевых работах, то приходилось ее экономить. Поэтому, когда я стал часто путешествовать по стране, то купил цифровой фотоаппарат. Дорогую камеру мне не надо было, но и дешевую – тоже. Поэтому сначала я узнал критерии, по которым надо было выбрать дешевый, но хороший аппарат. Основная фишка заключалась в том, что надо было задать аппарату как можно заданий и посмотреть, за сколько времени он с ними справиться.

Продавцы о такой методике выбора не слыхали, и я не стал их дальше мучить. Просто выбрал три модели по приемлемой цене и стал их сравнивать. Оценить качество кадра на маленьком мониторе было сложно, и я попросил подключиться к их компьютеру. Первый испытание проходил немецкий аппарат. У него были такие маленькие кнопки, что я подумал, что мне неудобно им пользоваться и перешел ко второй камере, а потом, к третьей. Хотя все они были среднего по цене класса, качество съемки было разным.

Безо всякого на то напряжение победил в этом соревновании первый аппарат – немецкий. И хотя мне не нравились маленькие кнопки, я решил, что отношение цена—качество у него лучше, чем у всех таких средних фотоаппаратов. И я его стал покупать. Он называется Олимпус и когда мне в магазине поставили карту памяти 8 Гб, я за все время ни разу ее не заполнил полностью – а я ездил месяцами по стране и снимал все подряд. Дома я скидывал отснятый материал на диск, и лишь потом смотрел, что получилось.

Чтобы ему было удобно, я сшил кожаный футляр, и он комфортно путешествовал в кармане моей джинсовой куртки. Чтобы запечатлеть самого себя, я пользовался автоспуском, а так как у него были плавные формы корпуса, стоять на одном месте он долго не мог. Однажды, в Казани он упал с высоты полтора метра на бетонную плиту. Я испугался, подумал, что ему конец. Но он продолжал фотографировать, как ни в чем не бывало.

Особенно мне он пригодился, когда я фотографировал материалы, которые брал в библиотеке. Покупать некоторые книги, особенно на иностранных языках я был не в состоянии, и просто делал снимки. Потом, когда я купил смартфон, можно было снимать телефоном, но у него был довольно слабый аккумулятор. В фотоаппарат легко выдерживал пятьсот снимков и только тогда начинал жаловаться на то, что он устал, и аккумулятор вот-вот разрядится. В Лувре мне пришлось фотографировать смартфоном, потому что отключить мощную вспышку у камеры я не мог, и служительница музея, к которой я подошел и продемонстрировал вспышку, сказала – нет, этим фотоаппаратом пользоваться в музее нельзя. Тогда я достал смартфон и начал снимать им.

То, что это аппарат у меня давно, не означает, что я полностью пользовался всеми его возможностями. Недавно, когда у меня было много свободного времени, я взял его в руки и решил покопаться в его меню. На панели его была маленькая кнопка, которой я никогда не пользовался – она была слишком маленькой для моих пальцев, и я даже не знал, для чего она было нужна, – я отлично пользовался функциями аппарата, которые были мне нужны, а на остальное, как всегда, не обращал никакого внимания. То же самое у меня было и пультами для всяких устройств, – телевизора, плеера и видеомэгнитофона. Зачем было забивать свою голову всякими наворотами в электронике, если я отлично обхожусь без них?

Нажал эту кнопку и стал ждать. Ждал-ждал, но фотокамера хранила молчание, словно обиделась. Тогда пришлось достать паспорт и инструкцию по эксплуатации. В ней не было ни слова об этой кнопке. Такое иногда бывает, если аппарат был усовершенствован, а инструкцию не поместили эту новую функцию, или просто забыли впечатать. Тогда я начал нажимать по две кнопки – эту, маленькую и остальные. Никакого эффекта. Перешел к комбинации из трех кнопок и тут экран, наконец-то засветился и на нем появилось небольшое меню, пробежав по которому глазами я обомлел – фотоаппарат был готов к съемке нечистой силы, – всяких троллей, духов, привидений, леших, водяных, монстров, а также давно умерших людей. Так же в меню была съемка пейзажей разных планет, их обитателей, зверей, растений и так далее.

Я тут же решил попробовать – не выключая аппарат, отправился в комнату, где обычно любил спать кот и когда навел объектив на место, где он спал, нажал пуск. На маленьком экране появилась фотография Кузи – он свернулся калачиком и спал, как всегда. По привычке я сказал кис-кис и кот сразу открыл глаза и зажмурился. Ну, ладно, реши я и спустился в подвал, где должен, по идее обитать домовый. Не отпуская кнопку пуск, я начал водить фотоаппаратом в разные стороны и поймал объективом какую-то фигуру. На экране было не видно, что это, и я поднялся по лестнице, подсоединил аппарат к телевизору и стал смотреть последнюю запись.

Фигура оказалось маленьким старичком с бородой, который сидел около русской печки и зашивал носок. На меня он не обращал никакого внимания. Похоже, что это и в самом деле был домовый. Теперь я захотел увидеть настоящего лешего – мечта у меня была с самого детства, и, похоже, мне это удастся это сделать.

Надев кроссовки, я накинул куртку и пошел в лес. Он был в двести метров от моего дома. Я повесил фотоаппарат на грудь и прошёлся по одной дорожке, потом по просеке и увидел на экране того, кого искал: лешего. Он сидел на толстой ветке сосны, в двух метрах от земли и строгал какую-то деревяшку. Камера его видела, а я – нет. Вот чудеса! Остальную нечистую силу я решил посмотреть на следующий день, а сейчас надо было посмотреть на пейзажи других планет.

Насмотрелся я на изумительные по красоте пейзажи до полного одурения. Они были разные и все неестественные, не земные, я хотел написать. Моя камера все записала на карту памяти, и я потом поглядел на них на большом экране телевизора. Некоторые были такие красивые и изумительные, что я скопировал их на флешку, а утром отправился в город и сделал фотографии.

Когда их смотрел редактор одного из журналов, толстый, умудренный опытом дядька, он только щелкал зубами и потом стал выяснять у меня, где были сделаны фотографии и кем. Я ничего ему не сказал, кроме того, что фотографии сделаны мною и указал на уголки снимков, где была дата и время съемки. А кроме этого, я предложил посмотреть эти самые фотографии на моей флешке и посмотреть свойства фотографии – любой компьютер скажет, какой камерой был сделан снимок, его вес и дату.

Я продал все полсотни снимков и права на них этому толстому журналу за солидную сумму. Все остались довольны сделкой. У меня, наконец, появилась работа, – и какая! Интересная и очень даже неплохо оплачиваемая. Я был доволен.

Старая штольня

На моем рабочем столе стоит компьютер, на мониторе которого заставка – фотография одной горы на Полярной Урале. На склоне этой горы, если присмотреться внимательно, можно было заметить едва заметное темное пятнышко – это вход в штольню, где несколько десятков лет назад горняки добывали дымчатые кристаллы горного хрусталя. Мне хотелось как-нибудь добраться до этой штольни, посмотреть на кварцевую жилу, в которой было очень много красивых, хорошо ограненных и больших кристаллов горного хрусталя.

Но у меня было много работы. В отряде у меня было человек восемь рабочих, несколько геологов и геофизиков. Мне надо было обеспечить им фронт работ, – что необходимо надо сделать на этот день, а потом проверить выполнение ими работы, и заняться, наконец, своим обычным занятием – сходить в геологический маршрут. Пока я всех своих подчиненных выгнал на работу, было уже одиннадцать утра. Собрав свой небольшой рюкзак с обедом, я повесил на плечо радиометр и отправился в путь – дорогу. По пути я зашел к двум рабочим, студентам горного университета, которые делали наземную спектрометрию.

Они вообще-то очень хотели заняться электроразведкой, но бригада геофизиков, которая ее занималась, была уже укомплектована, и студенты просили меня о небольшой услуге – чтобы с этой геофизической бригадой провести хоть один день. Но пока я сделать этого не мог, так как работы у них было много, и надо было, чтобы они ее сделали как можно быстрее – мне, как воздух, надо было выявить чисто урановые аномалии, а не смешанные ториево-урановые.

У меня было геологическое задание, которое дал мне главный геолог – найти на земле все выявленные аэросъемкой гамма-аномалии, дать им оценку, постараться найти среди них чисто урановые. Работы у меня, как водиться, было отбавляй, и я старался, как мог, – каждый день лазил по курумникам, зарослям ивняка и полярной березки с радиометром и спектрометром. Добрую половину аномалий я уже посетил, но положительных результатов у меня еще не было. Все объекты были ториевые, калиевые, но чисто урановых аномалий я пока не нашел.

Уже несколько недель я трудился без выходных, и наконец-то всевышний сжалился надо мной – наслал на нас дождь. Он был мелкий, противный и мокрый. Под таким не поскачешь по курумнику, как заяц, – в два счета сломаешь себе ногу, или заболеешь гриппом, если аномалия будет в густом ивняке, или в зарослях полярной березки, мокрым от непрерывного дождя.

И вот настало долгожданное утро, когда можно было подумать, посидеть за картами и привести в порядок свои полевые книжки, прочитать документацию геологов, которые занимались описанием канав и шурфов, а также проверить результаты спектрометрической съемки студентов. Я просидел в палатке за грубо сколоченным столом до обеда. Дождь и не думал прекращаться, а намеревался идти как минимум до вечера. Плотнo пообедав, я решил сходить и посмотреть на заброшенную штольню, где добывали очень чистые, большие кристаллы дымчатого горного хрусталя. До нее надо было идти километров десять по тайге, – это было далековато, но я опасался, что у меня больше такой возможности больше не будет, и мне надо сходить сейчас, пока есть возможность.

Я взял свой рюкзак, сунул в него немного еды, ракетницу и с десяток ракет. Полевую сумку, в которой были мои документы, топографические карты, навигатор, компас и телефон, я всегда и везде таскал с собой. Забив в навигатор координаты горы, я предупредил геологов, – сказал им, что я ушел на гору посмотреть штольню, а также время, когда примерно вернусь, и отправился в дорогу.

До границы района, где мы трудились, я добрался быстро – там была дорога, сделанная нашим экскаватором и вездеходом, по которой я часто ходил. Потом нашел старый зимник, который, правда существовал только на топографической карте – он проходил по гранитным осыпям и скалам, и там уже не осталось ни единого колышка. Обнаружить зимник мне удалось

только в тайге, которая началась после гранитных осыпей. Дорога в тайге была старая, разбитая вездеходами, и мне по ней было трудно идти. Но это было лучше, чем идти через тайгу по азимуту. Когда начался подъем на гору, к которой я стремился, дорога свернула к перевалу, и мне пришлось идти по узкой лесной просеке. Но конечная цель была уже рядом – мой навигатор показывал всего полкилометра до штольни.

Лес неожиданно кончился, и передо мной был крутой склон, покрытый курумником и большими глыбами гранита. Я лез вверх, обходя глыбы гранита, очень крутые осыпи, и, наконец, добрался до небольшой площадки, на которую выходило устье старой штольни. Она было проделана в очень крепких гранитах, и крепи там не было. По слухам, там должны быть рельсы узкоколейки, по которым вывозили горный хрусталь, но я не нашел ни рельсов, ни вагонеток, – в штольне был просто гранитный пол, но чрезвычайно ровный. Он тянулся вглубь горы и был широким – метров шесть, или семь шириной. Я еще подумал, что сюда, наверное, заезжали на вездеходах, или на больших грузовиках, чтобы вывозить добытый горный хрусталь.

Метров двести я прошел по этому, вырубленному в недрах гранитной горы прямому, как стрела коридору, а потом вынужден был включить налобный фонарь. Было мне как-то странно идти по штольне без следов горных работ и безо всяких кварцевых жил на стенках. Обычно следы кварцевой жилы должны были остаться – в противоположных стенках, если хрусталеносная жила залегала полого, или на потолке и на дне, если у ней было крутое падение. Ну, не могли горняки так отработать жилу, что от нее не осталось следа...

Я прошел еще метров двести, но ничего не менялось – все тот же прямой широкий и высокий коридор, сделанный в гранитах. Но вот, через несколько минут впереди появился тусклый свет, который с каждым пройденным мною метров становился все ярче и ярче. Выключив свой уже не нужный фонарь, я зашагал побыстрей, желая увидеть источник света.

В большом гроте, который открылся передо мной, стояло несколько аппаратов, явно внеземного происхождения, похожих формой на эллипсоиды с иллюминаторами в головной части. Они были длиной метров пятнадцать и стояли на невысоких опорах. У некоторых были открыты люки, но ни людей, ни инопланетян в этом ангаре не было. В этой, явно рукотворной пещере, высотой почти тридцать метров, под потолком горели лампы и было светло, как днем. Я остановился, с удивлением рассматривая эту совершенно нереальную картину, потом подошел к одному эллипсоиду и заглянул в открытый люк. Там, за несколькими ступенями, виднелась рубка управления этим аппаратом.

Прежде чем залезть внутрь, я обошел другие, такие же аппараты, похожие на космические истребители или на межзвездные штурмовики, и в одном нашел пилота. Он сидел в рубке, в комбинезоне, без шлема и казалось, спал. На вид это был обыкновенный человек, и мне показалось, что на шевроне его костюма было название, написанное по-русски. Мне сразу стало интересно, что там написано, и я пошел вперед, – в рубку, к этому пилоту. Прочитал на рукаве надпись «Русь», а потом заметил на пульте открытую тетрадь.

Стараясь не задеть ни пилота, ни кнопок на пульте, я взял в руки тетрадь и понял, что это бортовой журнал. От этого моего движения пилот пришел в себя и пошевелился. Я отпрянул назад, но было поздно – он открыл глаза и посмотрел на меня. Я стоял ни жив, ни мертв. Потом он спросил у меня, кто я такой, и что здесь делаю. Мне пришлось ему рассказать, кто я такой, и почему здесь оказался. Он кивнул, сказал, что я нахожусь на экспериментальной базе, которую создали в 2140 году, и он сейчас остался один, – весь персонал и пилоты были уничтожены несколько дней назад инопланетянами, которые проникли сюда, в этот секретный ангар через портал, который они проделали.

Никита смог уничтожить этот портал и всех находящихся здесь инопланетных существ, которые были аннигилированы, и теперь, когда опасность миновала, он остался в одиночестве. По его словам, из будущего скоро должны прибыть техники, пилоты и обслуживающий персонал, чтобы восстановить эту базу, но они задерживаются.

Выслушав эту невероятную, но вместе с тем печальную историю, я спросил у Никиты, не хотел ли он со мной утолить голод, на что он сразу согласился. Я достал из своего рюкзака суп в термосе, хлеб, концентрированное молоко и печенье и мы принялись за обед. Мне интересно было узнать, чем он питался это время. Он ответил, что у него был НЗ, но вчера он его съел, и я со своим обедом пришел как раз вовремя. Мне жалко оставлять этого пилота из будущего, с маленькими, но шустрыми и опасными звездолетами, но на моих часах было уже много времени, и чтобы добраться до своего лагеря, мне надо было возвращаться.

Контрольный срок моего возвращения был в одиннадцать вечера, а потом, если я не появлюсь, то мои подчиненные будут волноваться, известят мое руководство о том, что я не вернулся к контрольному сроку, и, в конечном счете, меня будут искать.

Никита выслушал меня и сказал, что он с удовольствием меня доставит в лагерь за считанные секунды, если я не побоюсь летать на его межзвездном штурмовике. Мне было лень идти пешком по тайге, тем более в сумерках, и я с удовольствием согласился. Летать на боевом звездолете мне не приходилось, и вряд ли у меня будет еще такая возможность. Мы заняли свои места – Никита за панелью управления, а я на месте второго пилота рядом. Он надел на себя шлем, спросил у меня, готов ли я, а потом люк закрылся, штурмовик мягко поднялся, развернулся и двинулся к выходу из ангара. Миг, когда мы вылетели из старой штольни, я едва заметил, но уже в следующий миг мы оказались над нашим палаточным лагерем.

Никита опустил на дорогу, по которой мы обычно ездили на вездеходе, открыл люк, пожал мне руку и попрощался. Я выбрался из кресла, вышел через люк, отошел на несколько метров и смотрел, как этот удивительный аппарат поднялся в воздух и просто пропал.

Я постоял несколько минут, привыкая к тайге, дороге, видневшимся рядом палаткам, потом подумал, что такой приятный и удивительный сон закончился, и мне надо заняться своими неотложными делами, – готовить карты, задание для рабочих и геологов и посмотреть паспорта аномалий, к которым мне надо сходить на следующий день. Потом сдвинул на место полевую сумку, поправил рюкзак на плече и подумал, что он какой-то тяжелый.

Снял его, опустил его на землю, развязал шнуровку и удивился, – он был доверху набит кристаллами дымчатого горного хрусталя.

Кабачки с драгоценными семечками

Семечки кабачков, которые я купил в каком-то магазинчике на рынке, и в этом году высадил на грядке, оказались странным и удивительным для меня сортом, – из них выросли побеги метра два в высоту, а в громадных кабачков розовато-фиолетового цвета вместо белых семечек оказались неизвестные мне минералы размерами до трех-четырех сантиметров, которые без труда царапали алмаз. Распилить их на части мне было просто нечем, – алмазная пила, которой я раньше пилил камни, не оставляла на них ни малейшего следа.

Весной, когда надо было проверить всхожесть семян, которые купил в этом магазинчике, я посадил их в пластиковые стаканчики с землей, поставил их на подоконник, полил водой и стал ждать результата. Они все взошли и стали расти, как на дрожжах. Воды им надо было много, и я поливал их утром и вечером. Когда через полторы недели на моем подоконнике образовалась целая оранжерея, и в некогда солнечной комнате поселились сумерки, я решил, что с меня хватит, – их надо было вынести в огород и пусть там они растут, как им нравится, хоть до Луны.

Единственно, что меня несколько дней удерживало от этого, была холодная погода – раньше я высаживал кабачки в открытый грунт, когда ночи были достаточно теплыми, и я не боялся, что они могут замерзнуть. Чтобы я бы без них делал, потом, летом, – ни поест их в салате, ни сготовить на скорую руку суп из кабачков, ни испечь блинчики, которые были такие вкусные, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Кроме того, мне не нравилось, что плоды моей работы пропадут и мне придется снова втыкать семечки в пластиковые стаканчики, снова поливать и снова высаживать в открытый грунт. Двойная работа никому не нравится, а мне особенно.

Весна в этом году оказалась холодной, кроме этого на солнце происходило нечто странное – мощные вспышки на нем следовали одна за другой, и по всей стране было замечено северное сияние – разного цвета, и очень красивое. Всполохи его были и у нас, причем очень мощные и частые. Может, поэтому и выросли такие кабачки – из-за небывалой солнечной активности? Об истинной причине можно лишь догадываться, но я уверен, что без нашего дорогого солнышка дело тут не обошлось.

Когда я сорвал первый такой удивительный кабачок, то было очень удивлен. Но решил дождаться полного созревания – я хотел, чтобы эти кабачки выросли до максимально размера и посмотреть, во что превратятся их семечки, уже не поддающимися алмазной пиле.

А пока, когда эти монстры росли, я зашел в магазин «Садовый Рай», купил нормальных семян и посадил их в грядку подальше от розовато-фиолетовых кабачков с ненормальными, тверже, чем у алмаза семечками, – есть их я опасался. Теперь я успокоился, так как надеялся перейти на свое летнее, богатое калием кушанье из кабачков.

Неизвестный, удивительный сорт, который я посадил первым, рос очень быстро, и через недели две был уже в высоту больше двух метров. Эти заросли заслоняли грядку с клубникой, но я успел съесть с нее урожай и был спокоен. Но случайные прохожие с интересом смотрели на этот маленький лес с громадными кабачками неестественным цветом и изумлялись. Я решил, что такое внимание мне ни к чему, а так как кора кабачков уже была твердая, то решил убрать урожай, а стебли сжечь в печке – мне не хотелось, чтобы такие монстры у меня прижились.

Все выросшие кабачки я отрубил топором от стеблей и сложил в одну кучу – подальше от соседских глаз, а стебли порубил на поленья и оставил их сохнуть. Теперь мне предстояло разобраться с гигантскими кабачками. Их было штук двадцать, и они были размерами около метра, а некоторые еще больше.

Снять с них кожуру оказалось трудной задачей – ее не брал остро наточенный нож, и я решил воспользоваться для этой цели кувалдой. Положил самый маленький, метровый кабачок на гранитный блок и ударил. Он рассыпался на части и внутри его, вместо семечек, оказались кристаллы, размером до пяти-шести сантиметров. Они были прозрачными ярко зеленого цвета. Если бы я не знал, что они выпали из кабачка, то подумал бы, что это кристаллы изумруда. Их было очень много, и чтобы их собрать, мне пришлось взять ведро.

Ведро александритов мне пришлось видеть у моего институтского приятеля, который был гранильщиком, но увидеть целое ведро прекрасно ограненных, прозрачных изумрудов мне не приходилось. Они были тверже природных изумрудов, и по твердости были сравнимы только с алмазами. Чтобы выяснить, алмазы это или нет, мне надо было отправиться к геммологам, но объяснять наличие у меня такого драгоценного кристалла мне как-то не хотелось: можно нажать себе проблему с законом.

И поэтому я оставил эту проблему в ведре до лучших времен, и принялся за остальные кабачки. С утра до вечера я работал кувалдой и расколотил все громадные, больше метра в длину, кабачки. В них оказались разные кристаллы – в одном были темно-красные кристаллы рубина, в других аметисты, цитрины, сапфиры разного цвета: зеленого, синего, желтого и фиолетового, а также демантоид, хризоберилл, аквамарин и розовый турмалин.

Все эти кристаллы относятся к ювелирным, драгоценным камням, добываемым в основном из пегматитовых жил. Как они выросли в кабачках, для меня осталось загадкой. Все кристаллы я складывал в разные ведра, стараясь не путать, и когда я закончил махать кувалдой, у меня выстроилось дюжина ведер с драгоценными камнями. Общий вес драгоценных кристаллов получился несколько центнеров. Это было не совсем правильным, потому что обычно вес таких кристаллов оценивался в каратах, а не в центнерах.

Обломки кабачков я смел в кучу и потом засунул их в мешки, чтобы потом выкинуть в мусорную машину, которая приезжала три раза в неделю. А ведра с самоцветами я на всякий случай спустил в овощную яму до лучших времен, когда решу, что мне с ними делать. Поставил их в ряд на пол, закрыл полиэтиленом и пошел в дом – выпить, наконец-то чаю и отдохнуть от этой тяжелой работы с кувалдой.

Что с этим урожаем делать, я еще не решил – надо было мне прийти в себя от такого количества драгоценных камней, которые выросли у меня в огороде совсем бесплатно.

Шлем

Вокруг коллективных садов, которые возникли в нулевые годы на окраине нашего поселка, возникали многочисленные помойки, в которые садоводы скидывали всякий мусор, ветки и ненужные вещи. Под эти помойки отлично подходили старые карьеры и заброшенные шурфы, в которых раньше добывали железную руду, мрамор и известняк. Но не все на этих помойках было абсолютным ненужным и отслужившим свой срок хламом. Многие были выкинуты хозяевами по той простой причине, что некуда было складывать эти отслужившие вещи, и проще было их выкинуть.

Я проходил мимо этих свалок и всегда замечал те вещи, или предметы, которые мне нужны – это была краска, различные стройматериалы, цемент и кирпич. Конечно, маразматься из-за нескольких кирпичей я не хотел, но если вдруг перед моими глазами возникала куча кирпичей, выкинутая закончившимся ремонт садоводом, то я сразу принимался думать, как эти бесплатные кирпичи доставить в свой огород, где испытывалось их недостатком.

Бывали и случаи, которые я вспоминаю с болью в сердце: в один из весенних дней я шел на рыбалку, и кто-то прямо передо мной поставил четыре совершенно новых мебельных тумбы, светло желтого цвета. Водитель автомашины, которая привезла эту совершенно новую мебель, аккуратно сгрузил эти тумбы на обочине дороги, и теперь они ждали своего нового хозяина. На них не было ни царапинки, и они мне были очень нужны в хозяйстве. Если их поставить друг на друга, то получилась бы небольшая мебельная стенка, а если использовать эти тумбы по отдельности, то из них получилась бы отличное хранилище для книг, дисков или для другого вида хлама, который у меня был всегда в наличии, и из которого я иногда что-то делал полезное и необходимое.

Я стоял перед этими совершенно новыми мебельными блоками и чуть не плакал от досады – я не мог их перетащить домой. Они не разбирались, были склеены, и в таком виде мне с ними ничего сделать нельзя. Мне даже поднять их не в силах – они были размерами почти в метр высоту, сантиметров семьдесят в ширину и довольно тяжелыми, потому что были склеены из ДСП. Внутри их были по три полки, тоже из ДСП. Я посидел перед ними минут пять, но вынужден был признать, что мне их придется оставить – подарить их кому-то, кто и не заслуживал этого королевского подарка. А потом встал, взял удочки, и несолоно хлебавши, отправился на рыбалку.

Но я очень люблю, когда на пути мне попадается радиоэлектронный хлам, всякие сломанные электронные блоки с множеством разноцветных проводов. Часто даже не представить трудно, что такое это было. Это мне предстояло узнать, когда я с паяльником и справочниками сидел перед этим радиоэлектронным хламом, стараясь вернуть его к жизни. Когда эта первоначальная задача была решена, и покореженный электронный блок подавал признаки жизни – мелькали разноцветные лампочки, а трансформатор начинал гудеть, мне можно было переходить ко второй, не менее важной задаче – узнать для чего он был создан, и что он умеет, этот загадочный электронный блок.

Через мои руки прошло масса приемников, магнитол и подобной техники. Часть, которую я сделал, работает, как в ни в чем не бывало, хотя я никому не советую заглядывать в внутрь этих приборов – особенно слабонервным. Когда я знаю, в чем причина поломки, то делаю необходимый ремонт очень качественно и на совесть, потому что не люблю снова разбирать этот прибор и выяснять, с чего этого он перестал работать. Но возиться с приемниками это в прошлом – теперь, в каждой комнате дома стоит по несколько рабочих радиоприемников, и я перешел к изучению электронных блоков, даже не предполагая, для чего они были созданы.

Мой родной брат, которому наконец, надоело крутить педали у велосипеда, купил небольшой мотоцикл и теперь летом тарахтел им на любой луже, где могла быть рыба. В пер-

вое лето он объездил все реки и пруды в нашей Свердловской области и выяснил, где можно поймать приличную по размерам рыбу – не меньше метра длиной...

Потом он мне показывал фотографии своего улова – там были щуки метра по два метра, с острыми в нескольких рядов зубами, лещи, почти в метр длиной, и напоминавших камбалу, огромных, почти в полметра окуней и ершей и страшного вида раков, с клешнями почти в метр. После того, как я смотрел на этих некогда мирных обитателей подводного мира, мне снились кошмары и я спрашивал у Левы, где он таких монстров находит? Лева отвечал, что ищет, и тем больше рыба, тем лучше.

Но на мотоцикле много рыбы не увезти, если даже захотеть, и моему брату это не нравилось. Больше, чем пары метровых щук, ему не было, не увезти, к тому же эти щуки так и норовили вырваться на свободу и показать, где раки зимуют, любому гаишнику, которому вдруг понадобилось посмотреть на улов. На очереди была покупка автомашины, в багажнике которой могло уместиться почти тонна рыбы.

Лева еще поздней осенью начал готовиться к покупке автомашины, решал задачи и начал ходить на курсы автолюбителей, чтобы свой рыболовный сезон начать пораньше. Мотоцикл готов был уйти в отставку – на заслуженный отдых. Пока он проводил уральскую зиму под крышей – в родительском доме, а мотоциклетные шлемы с запасами масла и небольшой канистрой бензина лежали в мастерской.

Но прокатиться ему на рыбалку на машине ему не суждено было. Как только он решил сдать на права, и купить какое-то авто, судьба решила, что он достаточно пожил на белом свете и половил рыбы.

Хоронили его прах в отцовской могиле – оба были фанатами рыбалки, и я думаю, что им есть о чем поговорить и вспомнить.

За мотоциклом и немногими Левыми вещами его жена и дети приехали спустя несколько недель. Увезли мотоцикл, всякие банки с маслами, пилу и разные штучки от мотоцикла, которые я нашел в мастерской. Мотоциклетный шлем, который был поновее, тоже увезли, а старый шлем, весь ободранный, остался в мастерской.

Когда посевная кампания стала близиться к концу, и времени у меня стало побольше, я стал проводить в мастерской больше времени. Старый шлем висел на гвоздике и однажды я его снял, не знаю, почему – может быть из чистого любопытства, а может, по другой причине. У меня привычка мерять все, что можно надеть – шапка, рубашка, куртка... Теперь мне захотелось примерить шлем. Я нахлобучил его на свою голову и взглянул в осколок зеркала. Шлем мне был как раз, только что-то кололо мне в районе шеи. Я снял его, подошел к окну мастерской и стал рассматривать его подкладку, – хотел выяснить, что там мне укололо.

Это был маленький оголенный проводок, который вылез из подкладки. Сначала я хотел его вырвать, но решил, что вместе с ним вырву и часть подкладка, а чинить его в мои планы не входило. Поэтому я вышел в огород, уселся под яблоней и стал исследовать содержимое этого старого ободранного шлема. Прощупал прокладку его и решил, что надо чуть-чуть подпороть прокладку и узнать, что за провод меня колет. За свою долгую портняжную жизнь, я мог с закрытыми глазами распороть любую сшитую вещь, и подкладка этого мотоциклетного шлема не было проблемой для меня.

Острым ножом я попробовал в одном месте, потом в другом и нашел место, с которого мне надо было начать разобраться с подкладкой. Через пару минут все было закончено: подкладка валялась на земле, у моих ног, а под ней была электронная схема, с многочисленными миниатюрными чипами, и с тонкими разноцветными проводками. Провод, который меня уколол, я нашел сразу, и по длине его установил, к чему он был припаян.

Припаять я его не мог – мне надо было миниатюрный паяльник и мощную лупу. Это я оставил на завтра, а сегодня решил выяснить, для чего может служить эта продвинутая электронная схема в шлеме. Я сходил домой, взял две лупы – одна десятикратная, а вторая трех-

кратная и погрузился в изучение. Скоро я нашел источник питания – небольшая угольная батарейка снабжала ток эту электронную схему, но для чего она была, мне было совершенно непонятно.

На следующий день я с трудом припаял проводок к микрочипу, нашел подходящую батарейку и включил ее в сеть этой электронной схемы. Теперь можно было установить подкладку на место, но это делать было еще рано. Я надел шлем, включил питание крохотным переключателем и стал ждать, что произойдет. Прошло несколько десятков секунд, и шлем заработал. Сначала на глаза мои опустилась матовая пластинка, и я стал смотреть на окружающий мир через нее – это был какой-то дисплей, в котором отображалось, как и окружающая обстановка, так и совершенно непонятные фигурки, расстояние до которых шлем показывал мне на этот крошечный дисплей.

Устав глядеть и по-прежнему не понимая ничего, я решил поразмыслить, зачем Лева был этот шлем. У него была одна страсть в жизни – ловля рыбы и тем больше она была, тем лучше. Мне надо было провести полевые испытания – на пруду. Я взял удочку, червяков и шлем и неторопливо пошел на берег пруда.

Размотал удочку, насадил червяка побольше и закинул его подальше – в лилии и кувшинки. Потом одел шлем, включил его и когда он прогрелся, то увидел на пластине напротив своих глаз, обитателей подводного царства. Моим червяком заинтересовались – небольшая стайка окуней и чебак. Они устроили небольшое собрание, чтобы решить, кому принадлежит этот червяк, и кому его съесть.

Но мирный ход обсуждения этого совещание вдруг прервал большой ерш, который, не тратя лишних слов, напал на незащитного червяка и, зажав его половину, в своих зубах ринулся на дно, чтобы там съесть его полностью. Я заметил, что поплавков моей удочки уходит под воду и сделал подсечку. Голодный и большой ерш пулей вылетел из воды и заплясал на полянке. Я не стал с ним церемониться – огрел его какой-то палкой и он затих.

Это был подходящий ерш – около пятнадцати сантиметров и такие большие ерши мне попадали редко. Я вытащил крючок у него из пасти, стараясь при этом не попасть под удар его игл спинного плавника, а потом достал полиэтиленовый мешок и спрятал в него добычу.

Теперь с этим шлемом мне было понятно – Лева специально собрал такую электронную схему. Чтобы обнаруживать самые крупные рыбы, в наших водоемах, чтобы их потом поймать и съесть. А я то все думал, откуда он берет такие огромные экземпляры щук, раков и остальных рыб, которые достигли таких больших размеров. Мне стало понятно их происхождение – просто их было мало, но он их находил и ловил, а потом съедал.

Из чистого спортивного любопытства, я прошел по заболоченному берегу пруда и смотрел на обитателей подводного царства, которые были видны мне на небольшой пластине – типа плоских очков. В одном омуте я обнаружил большую, старую щуку, размерами, судя по моим очкам больше двух метров ...Мясо у таких щук было невкусное, и я оставил старую щуку в покое. Гораздо мне было находка рака с большими клешнями – там было много вкусного мяса, и я надеялся, что рано или поздно, я отыщу такого монстра в нашем пруду, а если нет, то продеться попробовать на других водоемах.

Спрятанные самоцветы

Наш геологический отряд остановился в самом сердце самоцветных месторождений рала – в селе Мурзинка. Отсюда мы разъезжались по нашим маршрутам, и я хорошо помнил, как мне приходилось проезжать по старым, заброшенным деревням и селам, в которых каких-то пару столетий назад бурлила жизнь – многочисленные артели искали и находили месторождения самоцветов, которые потом оказывались в многочисленных музеях нашей страны и за рубежом.

Мне хотелось пройтись по этим заброшенным домам и попытаться найти в одном из них камни, добытыми в пегматитовых жилах забытых сейчас месторождений. Тогда, когда эти месторождения были только найдены, многие, особенно большие кристаллы валялись во дворах горных рабочих – ими подпирали двери, ставили в качестве груза на соленья – их не спешили покупать перекупщики, и они пылились в огородах и дворах.

Но день проходил за днем, работы было много, и я проезжал мимо заброшенных, утопающих в зарослях малины, чертополоха и крапивы бревенчатых домов, смотрел на них из окна машины. Мне было печально смотреть на эти умирающие дома, в которых когда-то жили старатели, искатели самоцветов, которые трудились всю свою жизнь в шахтах, и благодаря их тяжелому труду Урал стал так знаменит – это они нашли и разрабатывали ставшими известными на весь мир месторождения уральских самоцветов.

Хорошая погода, которая стояла несколько недель, позволившая нам пройти многокилометровые геологические маршруты в этом замечательном горнорудном районе, закончилась. На следующее утро начался проливной дождь, и все геологи с рабочими вынуждены были остаться дома – начались активированные дни, за которые мы так же получали зарплату, но сидели в палатках и занимались обработкой данных.

Хорошо было рабочим – они сразу завалились спать, а после обеда сели в кружок и стали играть в карты и в шахматы. Геологам надо было привести свои полевые книжки в порядок, посидеть за образцами и пробами, а уж потом можно было заняться личными делами. Я закончил приводить свои полевые книжки только к обеду. После обеда особых дел у меня не было, и я пошел к начальнику – выпросил у него один уазик, чтобы проехаться до одной из заброшенной деревеньки.

До нее было километров десять, и он кивнул своей головой в знак согласия. Водители тоже не любили сидеть без дела, поэтому один из них, самый молодой и любознательный парень с радостью отправился прогревать мотор своего уазика.

До деревни мы доехали быстро. Я надел на себя брезентовый плащ, взял геологический молоток с радиометром и отправился к крайнему дому. Он уже был без крыши и без пола – все сосновые доски сгнили, остались лишь лаги, под которыми виднелось неглубокое подполье. Но его фундамент, сложенный гранитами с редкими пегматитовыми прожилками выглядел как новый, и мог послужить не одному поколению.

Но поколения не было – старики от тяжелой работы в шурфах и шахтах уже умерли, а вся молодежь разъехалась по городам, и никто из них не стал добывать аметисты и бериллы, которыми прославился этот район. Это было тяжелым и ежедневным трудом, – искать новые пегматитовые жилы, а потом в темноте и тесноте штреков шахт выискивать в них занорыши, в которых спрятались от любопытных глаз драгоценные кристаллы.

Я обошел дом с включенным радиометром, затем прошел с ним внутри дома, и ничего не обнаружил. В огороде, заросшем молодыми березками, тоже не было аномалий, и мне надо было переходить к следующему дому. На единственной улице этой деревни стояло около двадцати уцелевших домов. Мне стало не по себе, когда я представил объём работы, если бы

я с радиометром обошел каждый уцелевший дом с огородом. Поэтому я вышел на середину заросшей крапивой улицу и стал разглядывать дома.

Один из домов была пятистенка, с тесовой крепкой крышей, крепкими и высокими воротами. Обычно в таких домах жили преуспевающие горные мастера, или горные рабочие, которым везло при поисках и добыче самоцветов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.